

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашиковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

- К. М. Байпаков*, доктор исторических наук, академик АН РК (Казахстан, Алма-Ата)
С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)
А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)
Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)
О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)
Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

- Л. Н. Ермоленко*, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)
Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск).
А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)
К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)
С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)
Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)
Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)
З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

*Журнал утвержден научно-техническим советом
Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ
по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.
Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.*

*Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки
РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай,
Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики:
исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).*

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2018

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

K. M. Baypakov, doctor of historical sciences, akademik (Kazakhstan, Alma-Ata)

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (res s. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeve, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении.....	7
<i>Нуржанов А. А., Крупко И. В.</i> Тюркская культура как уникальная среда и продукт этнокультурных импульсов Великого шелкового пути.....	22
<i>Ямаева Л. А.</i> Переднеазиатский след в этногенезе башкир.....	30
<i>Пиков Г. Г.</i> Судьба элиты кочевой империи после крушения государства (на примере восточноазиатской империи Ляо, 907–1125)	39

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Анисимова И. В.</i> Особенности организации опекунского дела в Степном крае в конце XIX — начале XX в.....	48
<i>Лысенко Ю. А.</i> Формирование национальных подразделений Красной армии Степного края и Туркестана в период Гражданской войны (1918–1922 гг.).....	59
<i>Чотаева Ч. Д.</i> Мультикультурализм города Бишкек: этничность и язык в советский и постсоветский периоды	75
<i>Стурова М. В.</i> Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в.	88

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Ярков А. П.</i> Ислам в Хакасии (в контексте идеи «все тюрки — мусульмане»).....	99
<i>Байтаков К. М., Терновая Г. А.</i> Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.)	111

Раздел IV

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Национальная и гражданская идентичность: рабочая программа учебной дисциплины.....	130
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	146
----------------------------------	-----

ДЛЯ АВТОРОВ	148
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Bulgarian golden filigrane pendants with bird figures: to the question of origin	7
<i>Nurzhanov A. A., Krupko I. V.</i> Turkic culture as a unique environment and product of ethnocultural impulses of the Great silk way	22
<i>Yamaeva L. A.</i> Asianminor trace in the ethnogeny of the bashkirs.....	30
<i>Pikov G. G.</i> The fate of the nomadic elite of the empire after the collapse of the state (for example, the east asian empire Liao, 907–1125).....	39

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Anisimova I. V.</i> Organisational features of guardianship in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries.....	48
<i>Lysenko Y. A.</i> The formation of the Red army of the Steppe krai and Turkestan national units during the civil war (1918–1922).....	59
<i>Chotaeva Ch. D.</i> Multiculturalism of Bishkek city: ethnicity and language in soviet and post-soviet times	75
<i>Sturova M. V.</i> Russian-kazakh schools in the system of state administration	88

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Yarkov A. P.</i> Islam of the Khakasia (in the context of the idea of “all turks are muslims”)	99
<i>Baipakov K. M., Ternovaya G. A.</i> Manikhean complex in the palace of the medieval town Kulan (VIII c.).....	111

Section IV

SCIENCE AND EDUCATION

<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> National and civic identity: the working program of the discipline	130
--	-----

INFORMATION ABOUT CONFERENCES	146
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148
--	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.2

К. А. Руденко

Государственный институт культуры, Казань (Россия)

БУЛГАРСКИЕ ЗОЛОТЫЕ ФИЛИГРАННЫЕ ПОДВЕСКИ С ФИГУРКАМИ ПТИЦ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

Статья посвящена исследованию золотых филигранных подвесок с миниатюрной фигуркой птицы и привесками на длинных цепочках из Волжской Булгарии. Всего в музеях Российской Федерации и в частных собраниях хранится 16 таких артефактов. Если учесть еще аналогичные филигранные подвески, но без фигурки птицы, то общее число их достигает 25 экз. Датируются эти украшения XI–XII вв. Автор считает, что их начали производить во второй-третьей четверти XI столетия в одной из ювелирных мастерских Волжской Булгарии. Анализ технологии и дизайна этих подвесок привел автора к выводу, что большая часть конструктивных элементов, включая фигурку птицы, была заимствована из продукции ювелиров Ближнего Востока, в первую очередь Ирана и Сирии. Это дало возможность высказать гипотезу о том, что это производство в Волжской Булгарии организовал или возглавил ювелир — выходец из Ближнего Востока. С этим же регионом связан и прототип фигурки птицы в подвеске. Это один из символов в иранском искусстве, что отразилось на других иранских изделиях, где была изображена птица, например, на керамических и некоторых металлических чашах. Очевидной связи филигранных золотых подвесок с другими близкими по назначению изделиями булгарских ювелиров не выявлено. Автор считает, что это украшения булгарского производства, выполненные в художественных традициях ювелирных изделий Ближнего Востока X–XI вв.

Ключевые слова: Волжская Булгария, филигранные средневековые подвески, зернь, скань, Иран, Сирия, Византия, ювелирное дело.

K. A. Rudenko

State Institute of Culture, Kazan (Russia)

BULGARIAN GOLDEN FILIGRANE PENDANTS WITH BIRD FIGURES: TO THE QUESTION OF ORIGIN

The article is devoted to the study of gold filigree pendants with a miniature figure of a bird from the Volga Bulgaria. There are not many of them. In total, sixteen such artifacts are kept in museums of the Russian Federation and in private collections of pendants with a bird figurine. If we take into account similar filigree pendants, but without the figure of a bird, the total number of them reaches 25 copies. These pendants of the 11th-12th centuries are dated. The author believes that they began to be produced in the second third quarter of the 11th century in one of the jewelry manufactory in Volga Bulgaria.

Analysis of the technology and design of these pendants led the author to the conclusion that most of the constructive elements, including the bird figurine, were borrowed from jewelry from the Middle East, primarily from Iran and Syria. This made it possible to hypothesize that this production in the Volga Bulgaria was organized or headed by a jeweler from the Middle East. With this region is connected and a figure of a bird in a suspension bracket. This is one of the symbols in Iranian art, which was reflected in other Iranian products where a bird was depicted, for example, on ceramic and some metal bowls. The obvious connection between the filigree gold pendants and other similar products of the Bulgarian jewelers was not revealed. The author believes that these pendants are of Bulgarian origin. These pendants are of Bulgarian origin made in the artistic traditions of jewelry of the Middle East of the 10th-11th centuries.

Key words: Volga Bulgaria, filigree medieval pendants, granaries, filigree, Iran, Syria, Byzantium, jewelry.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–01

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Государственного института культуры, Казань (Россия). Адрес для контактов: murziha@mail.ru

---

К числу наиболее известных украшений Волжской Булгарии XI — начала XIII в. относятся золотые височные филигранные подвески с изображением птицы (рис. 1), хранящиеся в разных музеях России¹. Научному миру они стали извест-

---

¹ С фигуркой птицы: Национальный музей Республики Татарстан — 2 экз.; Государственный Эрмитаж — 3 экз.; Государственный исторический музей — 2 экз.; Русский музей — 1 экз.; Самарский областной историко-краеведческий музей — 2 экз.; Фонд Ш. Марджани — 2 экз.; Музей государственности Республики Татарстан — 1 экз.; частная коллекция — 1 экз. Без фигурки птицы: Государственный исторический музей, Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Рис. 1. Височные подвески. Золото, медь, зернь, скань, пайка, плакировка. Волжская Булгария. XI–XII вв. 1 – частная коллекция; 2 – из коллекции Боткиных (Русский музей) [Коллекции..., 2011: 31]; 3 – находка в Казанской губернии, из коллекции ОАИЭ (НМ РТ); 4 – находка в Казанской губернии, из собрания ГЭ [Путешествие..., 2016: 411, кат. 331]; 5 – Спасский клад в Казанской губернии, коллекция ГЭ [Путешествие..., 2016: 398, кат. 313]; 6а, б – случайная находка в Среднем Поволжье, из собрания Фонда Марджани [Классическое..., 2013: 139, кат. 30]

ны во второй половине XIX в., но специальное исследование, посвященное им, появилось только в начале XXI в. [Руденко, 2011]. Большая часть этих находок была в составе кладов, однако полный комплекс находок, включая эти артефакты, известен толь-

ко в двух случаях (Спасский и Мокрокурналинский клады). Происхождение остальных изделий, кроме общего указания на место обнаружения, не ясно. Отсутствие археологического контекста существенно затрудняет датировку этих украшений и более точную атрибуцию.

Несмотря на то, что вопросы, касающиеся особенностей конструкции и сборки этих подвесок, были в той или иной степени рассмотрены в упомянутом выше исследовании [Руденко, 2011: 80–84], после введения в научный оборот новых находок, а также публикации в хорошем качестве уже известных изделий появилась возможность уточнить ряд высказанных ранее положений и интерпретаций, а также скорректировать их датировку и происхождение.

Стоит подчеркнуть один факт, на который мало обращают внимание. Практически все эти украшения обнаружены на территории государства Волжская Булгария. За его пределами встречена только одна подвеска — в Пермском крае, хранящаяся в настоящее время в Эрмитаже [Руденко, 2011: 211, кат. 22]. Очевидно, что эти украшения, вопреки распространенному мнению, не вывозились за пределы болгарских земель и не являлись предметами торговли. При этом все они практически идентичны в технологическом и конструктивном планах, а также дизайне. Варьируются несколько элементов. Первый — наличие или отсутствие птички у подвески. Второй касается мелких деталей фигурки птицы: пропорций шеи (см. рис. 1. — 3–5), количество единиц зерни в орнаментальных композициях и размер зерни (от 0,1 до 0,001 мм).

Общее количество таких подвесок с фигуркой птицы, дошедших до нас, с учетом новых находок и двух утраченных² в настоящее время — 16 [Руденко, 2011: 205–222, кат. 19–29]. Из них сохранились три комплекта. Каждый из них состоял из пары подвесок (клады у с. Мокрые Курналы и Шáма в Алексеевском районе РТ, и без точного места обнаружения — из Фонда Ш. Марджани). Следовательно, следует предполагать, что у оставшихся 10-ти подвесок были свои парные изделия, т. е. было изготовлено не менее 13 комплектов (26 подвесок) золотых изделий с фигуркой птицы. Если добавить к этому числу филигранные подвески без фигурки птицы и фрагментированные изделия, то в целом получается примерно 25 находок (включая парные), что составляет не менее 22 комплектов (44 подвески).

Происхождение золотых филигранных украшений с птицей чаще всего связывается с Волжской Булгарией (см. рис. 2). Несмотря на то, что они отличаются от других болгарских украшений рядом деталей, например использованием подвесок в виде «желудей» на цепочках и привесок в виде шариков с зернью как вспомогательных элементов, в целом их можно отнести к большой категории болгарских украшений в виде кольца с несколькими напускными бусинами. Это позволило в свое время Т. А. Хлебниковой утверждать, что эти филигранные кольца происходят от более простых, они — вершина их эволюционно-типологического развития [Хлебникова, 1963: 305–309]. Эта гипотеза о местных истоках филигранных золотых подвесок была принята априори другими исследователями и в целом не оспаривается по сей день. Более того, в подтверждение этой версии были приведены и аргументы из области исследований духовной культуры волжских болгар, суть которых заключается в интерпретации фигурки пти-

---

² Из собрания НМ РТ, похищена в начале 1950-х гг.; из Билярской экспедиции — утрачена в 1994 г.

цы (в которой опознали утку) как главного действующего персонажа космогонического мифа о происхождении Вселенной [Халиков, 1981: 7; Давлетшин, 2004: 150–151].

Вместе с тем в литературе есть еще два мнения по этому поводу. Первое: о связи болгарских филигранных подвесок с фигуркой птицы с ювелирными изделиями моравских ювелиров [Левашова, 1969: 125–130]. Второе: они изготовлены иранскими или египетскими торевтами в Волжской Булгарии или же болгарскими ювелирами по египетским образцам [Коллекции, 2011: 31; Классическое..., 2013: 138, кат. 30]. Н. П. Кондаков считал более вероятным их изготовление в средневековой Сирии [Руденко, 2011: 8]. Рассмотрим эти точки зрения.

Булгарское происхождение филигранных украшений этого типа основывается на нескольких тезисах. Первый тезис: если украшения найдены в Волжской Булгарии, то и изготовлены они здесь (А. Х. Халиков). Второй тезис: эти артефакты являются результатом типологического развития трехбусинных височных болгарских украшений от простейших, из меди и бронзы, к серебряным и в последнюю очередь — золотым, от обычного кольца — к кольцам с напускными бусинами, сначала одной, затем тремя и в конце — с добавлением миниатюрной фигурки птицы (Т. А. Хлебникова). Третий тезис: сюжет изображения — это материальное воплощение болгарского мифа об утке, создавшей Землю³, поэтому это местное изделие (А. Х. Халиков, Г. М. Давлетшин).

Учитывая локальность распространения этих украшений, первый тезис стоит принять во внимание, однако нет причин отвергать мнение, высказанное С. М. Новаковской-Бухман о том, что в Булгарии работал приезжий мастер, возможно из Ирана [Коллекция..., 2011: 31]. Более веским основанием видеть происхождение данных артефактов в аборигенной среде является типология болгарских височных колец VIII–XII вв. [Казаков, 1991: 116, рис. 40. — 22–25; 1992: 175]. Несмотря на наличие у болгар височных украшений в виде кольца, иногда с напускными бусинами, чаще всего одной, стройной картины эволюции этих украшений построить невозможно: серебряные и медные кольца бытовали одновременно с VIII–IX вв.; золотых височных колец в захоронениях этого времени не встречено, как и на селищах второй половины X — начала XI в. Височные кольца с напускными бусинами в погребениях VIII–IX вв. не зафиксированы. Более того, до XI в. ни на одном болгарском изделии не отмечена техника обкладки медной основы височных колец или каких-либо других изделий тонкой золотой фольгой, как и собственно ажурная конструкция украшений, особенно напускных бусин.

Таким образом, прямого отношения обычные (не филигранные) болгарские височные кольца (кроме традиции ношения у висков) к рассматриваемым височным подвескам с фигуркой птицы не имеют. Трехбусинные золотые височные кольца с простыми (не ажурными) напускными бусинами появляются у болгар не позднее конца XI в. и в дальнейшем сосуществуют с филигранными. При этом болгары чаще всего использовали либо одну напускную бусину, либо три⁴. Бóльшего количества их ни разу не отмечено, как и украшение кольца двумя бусинами. Кольцо, как правило, разомкнутое, а окончания его в месте разрыва всегда с ровными срезами, что отличает их от древне-

³ Впрочем, мифы, где главным действующим персонажем выступает водоплавающая птица, в том числе и утка, широко распространены у многих народов.

⁴ О развитии трехбусинных колец в Восточной Европе см.: [Reabteva, 2014: 74–75].

русских, где нередко имеется миниатюрный замóк: расплющенные окончания со сквозным отверстием или завернутое «в рулончик» одно из окончаний кольца.

К тому же филигранная техника в VIII–IX вв. булгарами не применялась; также нет фактов, доказывающих освоение ее ими в X в. Встречаются единичные серебряные и даже золотые изделия с зерневым декором, например перстни, но эти предметы, как правило, привозные, датирующиеся XI в. [Руденко, 2015: 381, 499, кат. 79, 395]. Золотые филигранные подвески появляются у болгар не позднее XI в. уже в сложившемся, завершённом виде. Их изготавливали в двух вариантах: с птицей и без нее. В таких формах они и производились в дальнейшем. Время их бытования укладывается в рамки XI — начала XIII в., а производства — с XI и до XII в.

Отметим, что форма трехбусинного кольца универсальна и встречается в Европе, на Востоке и в Византии в X–XII вв. [Bosselmann-Ruickbie, 2011: 224–229]. На Руси известны многобусинные височные украшения, где использовалось более трех бусин [Лесман, Рябцева, 2013: 309–336], а трехбусинные — распространяются здесь в конце X — начале XI в. [Reabџeva, 2014: 74], т. е. чуть раньше, чем появились филигранные трехбусинные височные подвески у болгар. В этой связи вспомним о трехбусинных височных кольцах IX в. с зерневым декором из Моравии [Dekan, 1983: 163, кат. 140]. Так, на серебряных серьгах с напускными бусинами и с привесками из длинных цепочек из Стара Коуржима внутри кольца помещена фигурка животного, декорированная зернью. Привески же, подвешенные на цепочках, представляют собой небольшие филигранные шарики, лапки водоплавающих птиц или миниатюрные плоды растения [Dekan, 1976: кат. 167, 168]. Заметим, что велокоморавские украшения появились раньше на столетие, чем эти элементы стали встречаться на болгарских ювелирных изделиях.

По мнению исследователей ювелирного дела Великой Моравии IX в., многое в дизайне таких украшений взято из ювелирного искусства Византии и Ближнего Востока [Поп, 1978: 33]. С. С. Рябцева считает, что украшения из Стара Коуржима сделаны по восточным образцам, ссылаясь на то, что включение лунниц в конструкцию височных подвесок характерно именно для арабских украшений [Reabџeva, 2014: 73]. Касаясь болгарских филигранных украшений, она утверждает, именно карпато-балканские образцы ювелирных изделий ближе всего болгарским из-за «общности подосновы культуры» [Reabџeva, 2014: 75], ссылаясь на мнение В. П. Левашовой [1969: 125–130]. Учитывая существенный хронологический разрыв между великоморавскими и болгарскими изделиями, вряд ли здесь можно видеть этнокультурную параллель, хотя восточное и опосредованное византийское влияние явно прослеживается и там, и там.

Более четкий византийский «след» обнаруживается на сирийских золотых подвесках-лунницах XI в. с изображением парных птиц, симметрично расположенных по сторонам «дерева жизни» [Jenkins, Keene, 1983: 87, cat. 51], или близких им египетских [Bloom, 2007: 100, fig. 71] в том числе и с изображением одной птицы с шариком перед клювом (см. рис. 3. — 4); достаточно посмотреть на собственно византийские украшения предшествующего времени (см. рис. 3. — 3). Также можно отметить использование трех цепочек с привесками из жемчужин на височных кольцах византийского происхождения начала VI в. н.э. [Spier, 2012: 88–90, cat. 14]. Вероятно, под византийским влиянием появились изображения орлов на ювелирных изделиях, произведенных в Малой

Азии и Ближнем Востоке в XII в. (см. рис. 3. — 5, 6). Причем в домонгольской Булгарии такие изображения не известны и к рассматриваемым филигранным подвескам, очевидно, отношения не имеют.

Чаще в поисках истоков филигранных булгарских подвесок с фигуркой птицы и привесками на длинных цепочках исследователи обращались к странам мусульманского Востока. Но такой вид украшений там практически не встречается, а ближайшие аналогии связаны с иным типом изделий — замкнутыми серьгами, датирующимися XI–XIII вв., со вставками, жемчугом и зерновым декором, берущими свое начало в постантичных украшениях IV–V вв. [Украшения..., 1999: 81, кат. 79; Spink, Ogden, 2013: 194–195].

Рис. 2. Височная подвеска. Золото, медь, зернь, скань, пайка, плакировка. Волжская Булгария. XI–XII вв. (деталь). Случайная находка в Среднем Поволжье; из собрания Фонда Марджани [Классическое..., 2013: 138]

Обращает на себя внимание группа ювелирных изделий иранского производства, датированная XI–XIII вв. Это миниатюрные серьги размером от 1,8 и до 2,2 см в виде разомкнутого (но чаще сомкнутого) колечка с тремя напускными ажурными бусинами, причем в одном случае они закреплены на основе навитой тонкой сканью, а между крайними бусинами помещена круглая вставка с бирюзой или гранатом [Jenkins, Keene, 1983: 48–49, cat. 21b; Spink, Ogden, 2013: 198, cat. 112, 113, 115]. Конструкция напускных бусин на этих серьгах аналогична болгарским: две полусферические половинки, правда, сделанные из скани, а не из фольги, соединенные декоративным пояском из скани и зерни или без нее [Spink, Ogden, 2013: 198, cat. 112, 113, 114]. Вместе с тем изготовление таких украшений в Иране происходит в тот период, когда в Волжской Булгарии стали производить свои филигранные изделия, т. е. практически одновременно.

Украшение серег подвесками на цепочках, хотя и нечасто, но встречается на иранских изделиях XI в., причем здесь цепочки, прикрепленные к нижнему краю плоской ажурной серьги, щиток которой имеет сегментовидную форму, украшены миндалевидными плодами, сделанными из тонкой золотой фольги, завершаются каплевидными привесками. Впрочем, синхронность цепочек с привесками вызывает сомнение у авторов каталога [Spink, Ogden, 2013: 190–191, cat. 99]. Имеют привески на цепочках также иранские серьги в виде корзинок, датированные X–XII вв. [Spink, Ogden, 2013: 202–203, cat. 127–130] (см. рис. 3. — 1). На них стоит обратить особое внимание, поскольку конструктивно они воплощают тот оригинальный прием сборки напускных ажурных бусин на болгарских изделиях: промежуточные бусины, соединяющие верхнюю и нижнюю половинки серег, трансформировались в биконические элементы, по сути скрытые от глаз зрителя и выполняющие в целом техническую функцию. Впрочем, идея такой конструкции визуализирована на одной из иранских серег XI в. (см. рис. 3. — 2). Привески на цепочках в данном случае представляют собой реминисценцию серег античного времени в виде амфоры с привесками на цепочках [Руденко, 2011: 110, рис. 27. — c, f].

Что касается объемного изображения птички, то его мы находим на другом типе золотых филигранных сережек или подвесок XI в. сирийского или египетского производства. Они были сделаны в виде небольших ажурных коробочек и имеют, в сравнении с болгарскими, безусловно, другую композицию. Но при этом на одной из сережек во внутреннем пространстве украшения было помещено объемное изображение филигранной птички [Spink, Ogden, 2013: 142–143, cat. 49]. Однако птица здесь находится на одной стороне коробочки, а на другой располагается изящный сканный рисунок. Кстати, этот тип украшений (без фигурки птицы) бытовал в Иране до XIII в. [Spink, Ogden, 2013: 184, cat. 88; 89].

Рис. 3. Ювелирные золотые изделия X–XII вв., Ближний Восток. 1 – серьга, Иран, X – XI вв. [Jewelry, 2013: 118]; 2 – серьга, Иран, XI в. [Jewelry, 2013: 118–119]; 3 – серьга, Восточная Римская империя (Византия), VI–VII вв. н. э. [Jewelry, 2013: 109]; 4 – подвеска, Египет, XI в. [Islam, 2013: 157]; 5 – орнаментированный диск с изображением птицы, Анатолия, XI–XII вв. [Jewelry, 2013: 128]; 6 – ожерелье с подвеской в виде птицы (фрагмент), Сирия или Египет, XII (?) в. [Украшения..., 1999: 138, кат. 126]

Миниатюрные филигранные фигурки животных и птиц известны в иранских древностях XII в. (рис. 4). Тулово их, как правило, украшено колечками скани, причем на золотых бусинах с таким декором колечко просверливалось внутри, что создавало своеобразный художественный эффект [Spink, Ogden, 2013: 105, 210, cat. 133, 134; 144, 145]. Плоские птички из золота и серебра — детали серег, украшенные сканью и вставками из бирюзы, изготавливались в Египте в VIII–X вв. [Spink, Ogden, 2013: 110, 111, cat. 23]. Однако по внешнему виду они далеки от того, что делали болгары. Более близки болгарским объемные серьги сирийского или египетского производства в виде птицы, выполненные из фигурных завитков сканой проволоки. Датированы они XI в. У птицы на одной из таких серег имеется гребешок на голове, крылья специально не выделены и читаются только по узорам; на ее спинке — петельки от застежки, в нижней части тулова — маленькая петелька; петелька-колечко имеется в клюве птицы [Jenkins, Keene, 1983: 86, cat. 51b]. Несколько таких украшений хранятся в музее в Дамаске и одна в Metropolitan Museum (Нью-Йорк).

Иранские подвески X–XI вв. в виде фигурки птицы [Украшения..., 1999: 134, cat. 122] (см. рис. 4. — 1–3) сделаны из тонкой золотой фольги. У птиц широкий плоский хвост, крылья, окончания которых изгибаются вверх; а в нижней части туловища птицы имеются петельки для привесок, изготавливавшихся в форме шара. Примечательно, что на двух изделиях к клюву птицы повешена еще одна миниатюрная птичка, сделанная целиком из скани (см. рис. 4. — 1,2). Последняя крепится дополнительно хвостовой частью к сканому пояску, маскирующему соединительный шов на шее большой птички. Эти подвески дают возможность объяснить «косичку» на голове болгарских филигранных птиц (см. рис. 2): прототип ее — дужка, за которую подвешивались подвески в виде птиц (см. рис. 4. — 1,2) или же львов или пантер [Украшения..., 1999: 144, cat. 132] (см. рис. 4. — 4). Такие подвески изготавливались в Иране в XI–XII вв. Интересно, что у подвесок в виде «львов» корпус фигурок полностью покрыт миниатюрными скаными колечками, что наблюдается на фигурках птичек болгарских подвесок. «Косичка» болгарских филигранных птиц, скорее всего, использовалась для дополнительного крепления подвески к головному убору или прическе, вероятно, «дополняла» фигурку птицы как рудимент.

Мелкие детали дизайна филигранной птички на болгарском украшении также имеют аналогии в привесках этого типа из Ирана. Например, членение хвостовых перьев или та же подвеска в виде шарика в клюве птицы (см. рис. 1. — 1–5) или же перед клювом (см. рис. 3. — 4). Отсюда следует, что прототип болгарской птицы уточкой вовсе не являлся. Вероятно, что это традиционный для иранской мифологии фазан или павлин, правда, в весьма декоративном исполнении, с солярной символикой на крыльях (см. рис. 4. — 1–3), напоминающий изображения таких птиц на художественном металле сасанидской эпохи. Не исключено, что изображена птица-посланник, олицетворение добрых вестей и плодородия [Украшения..., 1999: 134]. Данная символика уходит своими корнями в постантичную мифологию, а изображения павлинов в этом случае могли быть атрибутами богини Геры как покровительницы брака и деторождения [Reabѣva, 2014: 65]. Безусловно, болгары могли видеть в фигурке птицы иной смысл, но в любом случае исходный образ птицы и его иконография были явно заимствованы из иранских или византийских прототипов.

3a

3б

4a

4б

Рис. 4. Подвески в виде птиц и животных. Золото, драгоценные камни, зернь, скань. Ближний Восток, XI–XII вв. 1 – подвеска, Иран, X–XI вв. [Украшения..., 1999: 134, кат. 122]; 2 – подвеска, Иран, X–XI вв. [Украшения..., 1999: 134, кат. 122]; 3 – подвески, Иран, X–XI вв. [Украшения..., 1999: 135, кат. 123]; 4 – серьги в виде животных. Иран, XI–XII вв. [Украшения..., 1999: 144, кат. 132]

В зерневом узоре болгарских филигранных трехбусинных колец, помимо сугубо дизайнерских решений, прослеживаются и определенные смысловые контаминации, связанные с уже малоуловимыми сюжетами, которые в той или иной степени проявлялись на оригинальных изделиях ближневосточных ювелиров. В качестве примера можно привести иранский золотой филигранный перстень XII в. со сканно-зерневым декором, где имеется композиция из двух человеческих фигур и дерева жизни, иллюстрирующая один из мифологических сюжетов [Court, 2016: 102, cat. 31]. Впрочем, на иранских украшениях XI в. есть и изображения без явной смысловой нагрузки, но повторенные на болгарских золотых подвесках [Jewelry, 2013: 118, 119] (см. рис. 3. — 2).

Сама технология зерни и скани на болгарских украшениях в том виде, которую мы видим, безусловно, заимствована у ближневосточных ювелиров конца X — первой половины XI в. В качестве примера можно привести золотой браслет со щитком из полусфер, обильно украшенных зернью и сканью из собрания Metropolitan Museum [Jenkins, Keene, 1983: 40, cat. 16]. Эти технологии были широко распространены и в последующее время на Ближнем Востоке, в частности в Иране. При этом отмечается, что подъем ювелирного дела в Иране в XII в. связан с волной эмиграции сюда мастеров из Египта и Сирии после падения династии Фатимидов в 1171 г. [Court, 2016: 102; Islam, 2013: 142, 143]. Впрочем, и ремесло самого Египта фатимидской эпохи было явлением сложным, и здесь, судя по данным письменных источников, работали выходцы из Ирана, Сирии и Палестины, а в профессиональном ремесле сохранялись некоторые византийские традиции, хотя роль их в экономике фатимидского Египта оценивается по-разному [Семенова, 1974: 71, 80].

Таким образом, первые золотые болгарские подвески, как с фигурками птицы, так и без нее, были изготовлены в Волжской Булгарии ювелиром, хорошо знакомым с технологией филигрании и образцами золотых украшений, распространенными на Ближнем Востоке в начале XI в. Скорее всего, им был приезжий мастер-ювелир, основавший не позднее середины — второй половины XI в. специализированную ювелирную мастерскую по изготовлению таких украшений в одном из городов Волжской Булгарии. Какого-либо отношения к украшениям IX в. из Великой Моравии они не имеют (если только не видеть в них некоторые общие восточные мотивы), также маловероятно, что образ птицы на болгарской подвеске был сразу связан с водоплавающей птицей-демиургом (уткой, селезнем или гагарой). Больше оснований видеть в этой птице изображение павлина или фазана — священных птиц древних иранцев.

Более крупные размеры болгарской подвески по сравнению с небольшими, а иногда и просто миниатюрными сирийско-египетскими и иранскими подвесками и серьгами X–XI вв., заставило болгарского мастера обратиться и к византийским украшениям прически и головного убора, вписав фигурку птицы во внутреннее пространство кольца, при этом развернув в перпендикулярную плоскость привески на цепочках, разместив крепежные колечки не вдоль кольца-основы, а поперек нижней (средней) напускной бусины. Что вдохновило мастера сделать это именно так, пока не ясно, но в любом случае это придало подвеске не только оригинальность, но и включило ее в круг «шумящих украшений», весьма популярных в Волго-Камском регионе, звуковой эффект у которых образовывался именно за счет привесок на длинных цепочках.

Исходя из вышесказанного нельзя утверждать, что золотые филигранные подвески с фигуркой птицы и привесками являются финальным звеном типологического ряда болгарских височных кольцевидных украшений. Именно они стали отправной точкой изготовления не только серебряных филигранных реплик в XII в., но и дали толчок распространению в XI в. у болгар трехбусинных височных колец в целом (в том числе и без привесок), закрепив традицию, которая сложилась в местной среде. Это подтверждает определенную дискретность в типологическом развитии некоторых категорий болгарской ювелирной продукции, например височных колец, когда эксклюзивные изделия занимают обособленную и даже изолированную нишу среди них, не позволявшую ювелиру вносить изменения в существующую форму и технологию изготовления. Не исключено, что такая ситуация была результатом достаточно короткого срока изготовления филигранных подвесок, когда потребность в модернизации не успела возникнуть, небольшого спроса на них из-за высокой стоимости и сложности изготовления, а также использования привозного материала — золота. Однако эти золотые филигранные подвески являются болгарскими изделиями, в законченном виде появившимися именно в Волжской Булгарии в середине — второй половине XI в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БГИАМЗ — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМИИ РТ — Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан

ГЭ — Государственный Эрмитаж

МГ РТ — Музей государственности Республики Татарстан

НМ РТ — Национальный музей Республики Татарстан

ОАИЭ (НМ РТ) — Общество археологии, истории и этнографии при Национальном музее Республики Татарстан

СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Давлетшин М. Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа: истоки, становление и развитие. Казань : Татар. кн. изд-во, 1990. 432 с.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань : Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М. : Наука, 1992. 335 с.

Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков // Девяносто девять имен Всевышнего / сост. Г. Ласикова. М. : Изд. дом Марджани, 2013. 432 с.

Коллекции Михаила и Сергея Боткиных / ред. Н. Мельник. СПб. : Изд-во Государственного русского музея, 2011. 216 с.

Левашова В. П. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы. М. : Наука, 1969. С. 125–130.

Лесман Ю. М., Рябцева С. С. О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 309–336.

Поп И. И. Искусство Чехии и Моравии IX — начала XVI века. М. : Искусство, 1978. 255 с. (Очерки истории и теории изобразительного искусства).

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М. : Изд. дом Марджани, 2016. 560 с.

Руденко К. А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Казань : Заман, 2011. Т. I. 256 с.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань : Заман, 2015. Т. II. 528 с.

Семенова Л. А. Из истории Фатимидского Египта: очерки и материалы. М. : Наука, 1974. 264 с.

Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США: каталог. СПб. : ГЭ, 1999. 150 с.

Халиков А. Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 5–20.

Хлебникова Т. А. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // Советская археология. 1963. № 1. С. 305–309.

Bloom M. J. *Arts of the City Victorious: Islamic Art and Architecture in Fatimid North Africa and Egypt*. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 236 s. (на англ. яз.).

Bosselmann-Ruickbie A. *Byzantinischer Schmuck des 9 bis fruhen 13 Jahrhunderts*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2011. 420 s. (на нем. яз.).

Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. N.-Y. : The Metropolitan Museum of Art, 2016. 365 s. (на англ. яз.).

Dekan J. *Velka Morava. Doba a umenie*. Bratislava: Tatran, 1976. 282 s. (на чеш. яз.).

Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam: Publishing H.f.ullmann, 2013. 624 s. (на англ. яз.).

Jenkins M., Keene M. *Islamic jewelry in the Metropolitan museum of Art*. N.-Y. : The Metropolitan museum of Art, 1983. 160 s. (на англ. яз.).

Jewelry. 25 000 years of Jewelry from the collections of the Staatliche Museen zu Berlin / ed. M. Eichhorn-Johannsen, A. Rasche. Munich; L.; N-Y. : Prestel, 2013. 384 s. (на англ. яз.).

Spink M., Ogden J. *The Art of adornment. Jewellery of the Islamic Lands. Part One*. L.: New Foundation, 2013. 372 s. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII). (на англ. яз.).

Spier J. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millenium*. Catalog of exhibition. L., 2012. 208 s. (на англ. яз.).

Reabțeva S. *Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV–XVII)*. Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2014. 386 s. (на молдав. яз.).

REFERENCES

Davletshin M. G. *Ocherki po istorii dukhovnoi kul'tury predkov tatarskogo naroda: istoki, stanovlenie i razvitie* [Essays on the history of the spiritual culture of the ancestors of the Tatar people: origins, formation and development]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1990. 432 s. (in Russian).

Kazakov E. P. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy* [The Bulgarian village of the X–XIII centuries is the lower reaches of the Kama River]. Kazan' Tatar. kn. izd-vo, 1991. 176 s. (in Russian).

Kazakov E. P. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii)* [Culture of early Volga Bulgaria (stages of ethnocultural history)]. Moscow : Nauka, 1992. 335 s. (in Russian).

Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devianosto deviat' imen Vsevyshnego [Classical Art of Islamic World from IX to XIX Centuries. Ninety-nine Names of God]. Moscow : Izd. dom Mardzhani Publ., 2013. 432 s. (in Russian).

Kollektsii Mikhaila i Sergeia Botkinykh [Collections of Mikhail and Sergei Botkin]. S-Petersburg : Izd. Gosudarstvennyi russkii muzei, 2011. 216 s. (in Russian).

Levashova V. P. O skhodstve visochnykh ukrashenii volzhskikh bolgar s velikomoravskimi [On the similarity of the temporal decoration of the Volga Bulgarians with the Great Moravian]. *Drevnosti Vostochnoi Evropy*. Moscow : Nauka Publ., 1969, S. 125–130 (in Russian).

Lesman Iu. M., Riabtseva C. C. O mnogobusinykh kol'tsakh, evropeiskoi mode i etnograficheskom ubore [On multi-bell rings, European fashion and ethnographic dressing]. *Stratum plus*. 2013. № 5. P s. 309–336 (in Russian).

Pop I. I. *Iskusstvo Chekhii i Moravii IX — nachala XVI veka* [The art of Bohemia and Moravia IX — the beginning of the XVI century]. Moscow : Iskusstvo, 1978. 255 s. (Ocherki istorii i teorii izobrazitel'nogo iskusstva) (in Russian).

Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara [The Journey of Ibn Fadlan: The Volga Route from Baghdad to Bulgar]. Katalog vystavki. Moscow : Izd. dom Mardzhani Publ., 2016. 560 s. (in Russian).

Rudenko K. A. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski* [Bulgarian gold: filigree temporal pendant]. *Drevnosti Biliara*. Kazan' : Zaman Publ., 2011. Tom I. 256 s.

Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro* [Bulgarian silver]. *Drevnosti Biliara*. Kazan' : Zaman Publ., 2015. Tom II. 528 s. (in Russian).

Semenova L. A. *Iz istorii Fatimidского Egipta. Ocherki i materialy* [From the history of Fatimid Egypt. Essays and materials]. Moscow : Nauka, 1974. 264 s. (in Russian).

Ukrasheniia Vostoka. Iz kollektsii Patti Kadbi Berch, SShA [Ornaments of the East. From the collection of Patti Cambody Birch, USA]. Katalog. SPb. : GE Publ., 1999. 150 s. (in Russian).

Khalikov A. Kh. Otrazhenie kosmogonicheskikh i genealogicheskikh legend volzhskikh bulgar v arkheologicheskikh materialakh [Reflection of cosmogonic and genealogical legends of the Volga Bulgars in archaeological materials]. *Iz istorii rannikh bulgar*. Kazan', 1981. P s. 5–20 (in Russian).

Khlebnikova T. A. Eshche odna nakhodka bolgarskikh iuvelirnykh izdelii [Another discovery of Bulgarian jewelry] // *Sovetskaia arkheologiya*. 1963. № 1. P s. 305–309 (in Russian).

Bloom M. J. *Arts of the City Victorious: Islamic Art and Architecture in Fatimid North Africa and Egypt*. New Haven and London : Yale University Press, 2007. 236 s.

Bosselmann-Ruickbie A. *Byzantinischer Schmuck des 9 bis fruhen 13 Jahrhunderts* [Byzantine jewelery of the 9th to early 13th century]. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2011. 420 s. (in German).

Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. N.-Y. : The Metropolitan Museum of Art, 2016. 365 s.

Dekan J. *Velka Morava. Doba a umenie* [Great Moravia. Time and art]. Bratislava : Tatran, 1976, 282 s. (in Czech).

Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam : Publishing H.f.ullmann, 2013. 624 s.

Jenkins M., Keene M. *Islamic jewelry in the Metropolitan museum of Art*. N.-Y. : The Metropolitan museum of Art, 1983. 160 s.

Jewelry. 25 000 years of Jewelry from the collections of the Staatliche Museen zu Berlin / ed. M. Eichhorn-Johannsen, A. Rasche. Munich; L. ; N.-Y. : Prestel, 2013. 384 s.

Spink M., Ogden J. *The Art of adornment. Jewellery of the Islamic Lands. Part One*. L.: New Foundation, 2013. 372 s. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII).

Spier J. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millenium*. Catalog of exhibition. L., 2012. 208 s.

Reabțeva S. *Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV–XVII)* [Ornaments and decoration items for the costume of the population of the Moldovan and Wallachian principalities in the 14th — 17th centuries (in the context of cultural and historical ties)]. Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2014. 386 s. (in Moldavian).

УДК 902

А. А. Нуржанов, И. В. Крупко

Институт археологии имени А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

ТЮРКСКАЯ КУЛЬТУРА КАК УНИКАЛЬНАЯ СРЕДА И ПРОДУКТ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИМПУЛЬСОВ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Целью работы является изучение некоторых аспектов кросс-культурного взаимодействия Шелкового пути на социально-экономические, военно-политические и религиозные импульсы тюркских государств как этнокультурной среды. Великий шелковый путь занимает особое место в истории развития международных отношений. Он был не только мировой торговой артерией, но также являлся этосом (каналом) дипломатических отношений, обеспечивающим межкультурный коммуникативный диалог между различными странами. Великий шелковый путь проложил так называемый духовно-этнический и эстетический мост для культурной интеграции и морального обогащения различных народов. Формировался большой интерес к товарам, знаниям и культурам друг друга. Поэтому развитие Великого шелкового пути является крупным культурном событием в истории человечества.

Шелковый путь оказал огромное влияние на формирование политического, экономического и культурного устройства стран, через которые он проходил. Одним из глав-